

НИКОЛАЕВ Рустем Олегович,
аспирант кафедры предпринимательского
и энергетического права, юридический факультет,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлёвская, д. 18,
тел.: +7 987 238 24 34,
e-mail: nikolaevrustem13@gmail.com

СМАРТ-КОНТРАКТ КАК ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ ДОВЕРИЯ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОМ ОБОРОТЕ

Аннотация. Работа посвящена месту смарт-контракта среди гражданско-правовых средств формирования цифровой среды доверия в предпринимательских отношениях. Методологическую основу составили формально-юридический метод, примененный при толковании части второй статьи 309 Гражданского кодекса Российской Федерации и норм о форме сделки, системный метод, использованный при определении соотношения смарт-контракта с договором и способами обеспечения исполнения обязательств, а также сравнительно-правовой метод. Обосновано, что смарт-контракт меняет саму конфигурацию доверия в обороте. Ожидание надлежащего поведения контрагента замещается расчетом на автоматическое исполнение, заложенное в программный код, вследствие чего доверие смещается с личности должника на технологию и на лиц, отвечающих за корректность ее работы. Показано, что такое смещение не устраняет потребности в гражданско-правовых средствах, а меняет их набор. Особое значение приобретают условия о порядке автоматического исполнения, заверения об обстоятельствах, распределение рисков сбой и ответственность за дефект программного кода. Отдельное внимание уделено последствиям расхождения между текстом договора и его программной реализацией, а также затруднительности отмены ошибочно совершенной транзакции в распределенном реестре. Сформулированы предложения о договорных механизмах защиты добросовестной стороны и о пределах автоматизма исполнения в предпринимательском обороте.

Ключевые слова: смарт-контракт, цифровая среда доверия, самоисполнимость, исполнение обязательства, предпринимательский оборот, программный код, распределение рисков, гражданско-правовые средства.

Для цитирования: Николаев Р. О. Смарт-контракт как гражданско-правовое средство формирования цифровой среды доверия в предпринимательском обороте // Образование и право. 2026. № 10. С. 348–352.

NIKOLAEV Rustem Olegovich,
Postgraduate Student, Department of Business
and Energy Law, Faculty of Law,
Kazan (Volga Region) Federal University

SMART CONTRACT AS A CIVIL-LAW MEANS OF FORMING A DIGITAL TRUST ENVIRONMENT IN BUSINESS CIRCULATION

Annotation. The article examines the place of the smart contract among the civil-law means of forming a digital trust environment in business relations. The methodology includes formal legal interpretation of part two of Article 309 of the Civil Code of the Russian Federation and of the rules on the form of transactions, systemic analysis of the relationship between the smart contract, the contract as such and the methods of securing performance of obligations, and comparative legal analysis. The study shows that the smart contract changes the very configuration of trust in commerce. The expectation of proper conduct by the counterparty is replaced by reliance on automatic performance embedded in the program code, so that trust shifts from the person of the debtor towards the

technology and those responsible for its correct operation. This shift does not eliminate the need for civil-law means but alters their composition. Particular importance is acquired by terms governing automatic performance, representations of facts, allocation of failure risks and liability for defects in the program code. Proposals are formulated concerning contractual mechanisms protecting the bona fide party and the limits of automatic performance in business circulation.

Key words: smart contract, digital trust environment, self-execution, performance of obligation, business circulation, program code, risk allocation, civil-law means.

For citation: Nikolaev R. O. Smart contract as a civil-law means of forming a digital trust environment in business circulation. *Education and law*. 2026;(10):348–352. (In Russ.).

Введение

Распространение технологии распределенных реестров привело к появлению договорных конструкций, исполнение которых обеспечивается программными средствами. Классическая модель обязательства предполагает, что должник исполняет его добровольно, а при нарушении кредитор прибегает к мерам принуждения. В смарт-контракте исполнение заложено в программный код и производится при наступлении заданных условий без отдельного волеизъявления сторон.

Российское право отреагировало на эту конструкцию осторожно. Часть вторая статьи 309 Гражданского кодекса Российской Федерации допускает, что условиями сделки может быть предусмотрено исполнение обязательства без направленного на это отдельно выраженного волеизъявления сторон путем применения информационных технологий [4]. Легального определения смарт-контракта закон при этом не дает.

Для предпринимательского оборота такая конструкция имеет прикладное значение. Автоматическое исполнение снижает издержки на контроль за контрагентом и сокращает потребность в обеспечительных механизмах. Одновременно возникает новый риск, связанный с качеством самого кода и работой информационной системы. Цель работы состоит в определении места смарт-контракта среди гражданско-правовых средств формирования цифровой среды доверия и в установлении того, какие средства защиты требуются участникам оборота при автоматическом исполнении.

Смарт-контракт в системе договорных конструкций

Доктринальные оценки правовой природы смарт-контракта разошлись довольно сильно. Одни авторы видят в нем электронную форму сделки, другие говорят о самостоятельной договорной конструкции, третьи рассматривают его как способ обеспечения исполнения обязательств. Последняя позиция встречает обоснованные возражения. О.С. Гринь, Е.С. Гринь и А.В. Соловьев приходят к выводу, что «смарт-контракт не может быть квалифицирован в качестве самостоятельного способа обеспечения исполнения обязательств» [5, с. 51].

Аргумент здесь прост по существу. Способы обеспечения, перечисленные в статье 329 Гражданского кодекса Российской Федерации, создают дополнительное имущественное обременение на случай нарушения, тогда как смарт-контракт работает до нарушения и вместо него.

Ближе к истине, как представляется, квалификация смарт-контракта как особого порядка исполнения обязательства, согласованного сторонами в договоре. Основанием возникновения прав и обязанностей остается сам договор. Программный код обслуживает стадию исполнения и в этом смысле произведен от соглашения. Л.Г. Ефимова и О.Б. Сизимова, анализируя правовую природу смарт-контракта, также связывают его с договорной основой и с технологией распределенного реестра [6].

Служебный характер цифровой оболочки отмечается и применительно к смежным конструкциям. Как указывает Л.А. Новоселова, цифровые права представляют собой «способ оформления традиционных прав», не меняющий их существа [14, с. 35]. Тот же автор, исследуя токенизацию объектов гражданского права, подчеркивает, что перевод актива в цифровую форму сам по себе не создает нового объекта гражданских прав [8, с. 41]. Р.И. Ситдикова и Р.Б. Ситдилов связывают появление цифровых прав с потребностью закрепить в законе базовые категории для оборота новых цифровых объектов [11, с. 77]. Логика этих подходов применима и к смарт-контракту. Новой является техника исполнения, но не природа обязательства.

Самоисполнимость как механизм замещения доверия

Главная особенность смарт-контракта для целей настоящего исследования состоит в том, что он меняет адресата доверия. В обычном договоре кредитор полагается на добросовестность должника и на действенность мер принуждения. При автоматическом исполнении расчет строится на работе программы, а поведение должника после заключения договора теряет прежнее значение. А.И. Савельев еще в 2016 году обращал внимание на то, что распространение самоисполняемых конструкций ставит под вопрос привычные

представления договорного права [9].

Для характеристики цифровой среды доверия это обстоятельство имеет принципиальное значение. Смарт-контракт не создает доверия между сторонами. Потребность в доверии к контрагенту он снимает, перенося ее на технологию и на лиц, которые эту технологию обеспечивают. Такое перераспределение по своему механизму напoминает институт доверенной третьей стороны, который Д.Х. Валеев и А.Г. Нуриев рассматривают как источник юридически значимой информации в цифровом пространстве [1, с. 38]. Разница состоит в том, что роль посредника здесь исполняют программный код и информационная система.

Для предпринимательских отношений практический эффект очевиден. Е.Д. Ворникова верно замечает, что «доверие повышает лояльность контрагентов по отношению к субъектам предпринимательской деятельности» [3, с. 255]. Автоматическое исполнение позволяет вступать в оборот с контрагентом, деловая репутация которого неизвестна, поскольку риск неисполнения снимается техническими средствами. Вместе с тем сама цифровая среда доверия шире технологии. Она охватывает, по определению того же автора, «инфраструктуру общественных отношений, которая обеспечивает идентификацию и аутентификацию субъектов и объектов, конфиденциальность и безопасность данных, а также высокий уровень охраны и защиты прав субъектов цифровых отношений» [3, с. 256]. Смарт-контракт занимает в этой инфраструктуре место средства, гарантирующего исполнение, и не заменяет собой остальные ее элементы.

Пределы автоматизма и гражданско-правовые средства защиты

Автоматизм исполнения имеет обратную сторону. Программа исполняет то, что записано в коде, безотносительно к действительной воле сторон и к последующим изменениям обстоятельств. Ошибка в коде превращается в ошибку исполнения, причем исправить ее обычными средствами затруднительно. Распределенный реестр не предполагает отмены уже совершенной транзакции.

Первое средство защиты лежит в договорной плоскости. Стороны вправе согласовать порядок автоматического исполнения, перечень условий, при которых код срабатывает, и последствия расхождения между текстом договора и программной реализацией. Целесообразно прямо устанавливать приоритет текстовой части договора над кодом при выявлении такого расхождения. А.А. Волос справедливо связывает применение смарт-контрактов с необходимостью соблюдения основных принципов гражданского права [2], и приоритет согласованной воли сторон над техни-

ческой реализацией этим принципам соответствует.

Второе средство связано с заверениями об обстоятельствах (статья 431.2 Гражданского кодекса Российской Федерации). Сторона, представившая код или информационную систему, может заверить контрагента в том, что программа соответствует согласованным условиям и работоспособна. Недостоверность такого заверения открывает путь к возмещению убытков и к отказу от договора. Для предпринимательского оборота этот инструмент удобен тем, что переносит риск дефекта на сторону, которая контролирует техническую часть.

Третье средство касается ответственности за сбой. Действующее законодательство о цифровых финансовых активах возлагало на оператора информационной системы обязанность возместить убытки, причиненные утратой сведений и нарушением работы системы [12]. Схожий подход прослеживается и в новом законодательстве о цифровых валютах и цифровых правах [13]. Распространение этой модели на отношения по автоматическому исполнению представляется обоснованным. Ответственность лица, обеспечивающего работу информационной системы, дополняет ответственность сторон договора и завершает конструкцию защиты.

Сочетание частных и публичных элементов здесь закономерно. Как заключает А.В. Михайлов, «в основе всего многообразия способов и средств правового регулирования лежит взаимодействие двух первичных приемов правового воздействия - частноправового и публично-правового» [7, с. 4]. Требования к информационным системам и к их операторам задаются публично, тогда как содержание отношений сторон определяется договором. Схожая двойственность отмечается и применительно к цифровым платформам, гражданско-правовой статус которых исследован А.В. Михайловым, О.А. Чепариной, М.Г. Щербаковым и Е.Б. Лауц [15].

Заключение

Смарт-контракт представляет собой согласованный сторонами порядок исполнения обязательства, реализуемый программными средствами. Самостоятельным способом обеспечения исполнения он при этом не является. Основанием возникновения прав и обязанностей остается договор.

Значение смарт-контракта для цифровой среды доверия состоит в перераспределении доверия. Ожидание надлежащего поведения контрагента замещается расчетом на автоматическое срабатывание кода, вследствие чего доверие смещается с личности должника на технологию и

на лиц, отвечающих за ее корректную работу. Потребность в гражданско-правовых средствах при этом сохраняется, меняется лишь их набор.

Из сказанного вытекает несколько предложений. В договорах, предусматривающих автоматическое исполнение, следует прямо закреплять приоритет текстовых условий над программной реализацией при их расхождении. Заверения об обстоятельствах разумно использовать как средство переноса риска дефекта кода на сторону, контролирующую информационную систему. Модель ответственности оператора информационной системы за сбой и утрату сведений заслуживает распространения на отношения по автоматическому исполнению обязательств. Наконец, сторонам целесообразно заранее определять порядок действий при невозможности отменить ошибочно совершенную транзакцию, включая обязанность вернуть неосновательно полученное. Такой набор средств позволяет сохранить преимущества автоматического исполнения, не оставляя добросовестного участника оборота без защиты.

Список литературы:

- [1] Валеев Д.Х., Нуриев А.Г. Создание цифровой процессуальной среды доверия: сервисы третьей доверенной стороны в процессуальных отношениях как источник «квазипреюдициальной» информации в цифровом пространстве // Нотариус. – 2022. – № 3. – С. 37–40.
- [2] Волос А.А. Смарт-контракты и принципы гражданского права // Российская юстиция. – 2018. – № 12. – С. 5–7.
- [3] Ворникова Е.Д. Понятие цифровой среды доверия // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – Т. 13. – № 6. – С. 251–257.
- [4] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
- [5] Гринь О.С., Гринь Е.С., Соловьев А.В. Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения // Lex russica. – 2019. – № 8. – С. 51–62.
- [6] Ефимова Л.Г., Сизимова О.Б. Правовая природа смарт-контракта // Банковское право. – 2019. – № 1. – С. 23–30.
- [7] Михайлов А.В. Особенности методов правового регулирования в предпринимательском праве // Предпринимательское право. – 2023. – № 4. – С. 2–9.
- [8] Новоселова Л. «Токенизация» объектов гражданского права // Хозяйство и право. – 2017. – № 12. – С. 29–44.
- [9] Савельев А.И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. – 2016. – № 3. – С. 32–60.
- [10] Савельев А.И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // Закон. – 2017. – № 5. – С. 94–117.
- [11] Ситдикова Р.И., Ситдилов Р.Б. Цифровые права как новый вид имущественных прав // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2018. – № 9 (204). – С. 75–80.
- [12] Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 10.09.2026).
- [13] Федеральный закон от 04.08.2026 № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах». // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_540983/ (дата обращения: 10.09.2026).
- [14] Цифровые права как новый объект гражданского права / Л.А. Новоселова, А.В. Габов, А.И. Савельев // Закон. – 2019. – № 5. – С. 31–54.
- [15] Mikhaylov A.V., Cheparina O.A., Tsherbakov M.G., Lauts E.B. Digital platform: features of civil status // AD ALTA: Journal of Interdisciplinary Research. – 2020. – Vol. 10. – Is. 2. – P. 176–179.

References:

- [1] Valeyev D.Kh., Nuriyev A.G. Creating a Digital Procedural Environment of Trust: Third-Party Trusted Services in Procedural Relations as a Source of "Quasi-Prejudicial" Information in the Digital Space // Notarius. – 2022. – No. 3. – pp. 37–40.
- [2] Volos A.A. Smart Contracts and the Principles of Civil Law // Rossiyskaya Yustitsiya (Russian Justice). – 2018. – No. 12. – pp. 5–7.
- [3] Vornikova E.D. The Concept of a Digital Environment of Trust // Probely v Rossiyskom Zakonodatelstve (Gaps in Russian Legislation). – 2020. – Vol. 13. – No. 6. – pp. 251–257.
- [4] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994, No. 51-FZ // Sborniki Zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii (Collected Legislation of the Russian Federation). – 1994. – No. 32. – Art. 3301.
- [5] Grin O.S., Grin E.S., Solovyev A.V. The Legal Construct of a Smart Contract: Legal Nature and Scope of Application // Lex Russica. – 2019. – No. 8. – pp. 51–62.
- [6] Efimova L.G., Sizemova O.B. The Legal Nature of a Smart Contract // Bankovskoye Pravo (Banking Law). – 2019. – No. 1. – pp. 23–30.
- [7] Mikhailov A.V. Specifics of Legal

Regulation Methods in Entrepreneurial Law // *Predprinimatelskoye Pravo (Entrepreneurial Law)*. – 2023. – No. 4. – pp. 2–9.

[8] Novoselova L. “Tokenization” of Objects of Civil Law // *Economy and Law*. – 2017. – No. 12. – pp. 29–44.

[9] Saveliev A.I. Contract Law 2.0: “Smart” Contracts as the Beginning of the End for Classical Contract Law // *Herald of Civil Law*. – 2016. – No. 3. – pp. 32–60.

[10] Saveliev A.I. Certain Legal Aspects of Using Smart Contracts and Blockchain Technologies under Russian Law // *Zakon*. – 2017. – No. 5. – pp. 94–117.

[11] Sitdikova R.I., Sitdikov R.B. Digital Rights as a New Type of Property Rights // *Property Relations in the Russian Federation*. – 2018. – No. 9 (204). – pp. 75–80.

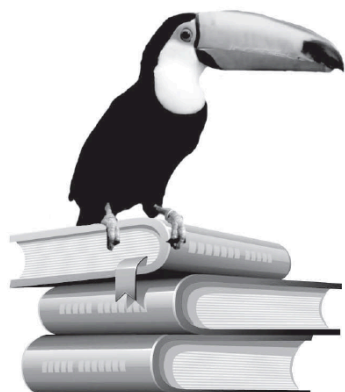
[12] Federal Law No. 259-FZ of July 31,

2020, “On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation.” // *ConsultantPlus Legal Reference System*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (accessed: September 10, 2026).

[13] Federal Law No. 282-FZ of August 4, 2026, “On Digital Currencies and Digital Rights.” // *ConsultantPlus Legal Reference System*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_540983/ (accessed: 10.09.2026).

[14] Digital Rights as a New Object of Civil Law / L.A. Novoselova, A.V. Gabov, A.I. Saveliev // *Zakon*. – 2019. – No. 5. – pp. 31–54.

[15] Mikhaylov A.V., Cheparina O.A., Tsherbakov M.G., Lauts E.B. Digital platform: features of civil status // *AD ALTA: Journal of Interdisciplinary Research*. – 2020. – Vol. 10. – Iss. 2. – pp. 176–179.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.